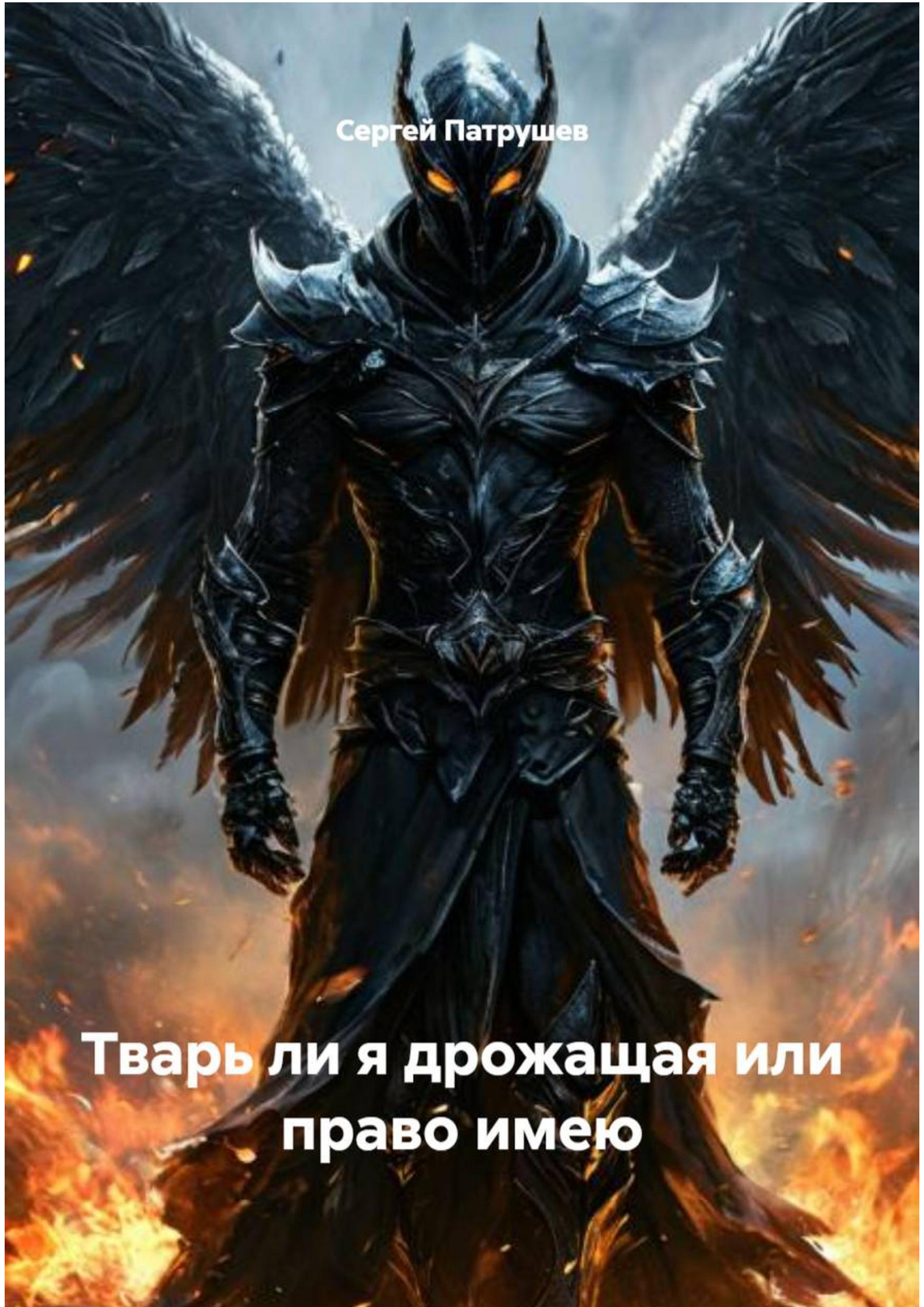

Сергей Патрушев

**Тварь ли я дрожащая или
право имею**

Сергей Патрушев

**Тварь ли я дрожащая
или право имею**

«Автор»

2026

Патрушев С.

Тварь ли я дрожащая или право имею / С. Патрушев — «Автор», 2026

Антону двадцать шесть. У него съёмная квартира, нелюбимая работа в ипотечной компании и девушка, которая годами убеждает его в собственной никчёмности. Он давно смирился с ролью удобного и бессловесного — того, кто уступает, извиняется и прячет глаза. Но один случайный вечер перечёркивает всё. В тёмной арке, столкнувшись с уличной агрессией, Антон совершает то, чего сам от себя не ожидал, — даёт сокрушительный отпор. И этот поступок запускает цепную реакцию, которая разрывает его жизнь на «до» и «после». Перед ним встаёт вопрос, мучивший: «Тварь ли я дрожащая или право имею?» Но чем дальше Антон пытается найти ответ, тем глубже погружается в лабиринт собственной души. Угрызения совести сменяются холодным самооправданием, отчаяние — смехом на грани безумия. Внутри него просыпаются два голоса, светлый и тёмный, и каждый тянет в свою сторону.

© Патрушев С., 2026

© Автор, 2026

Сергей Патрушев

Тварь ли я дрожащая или право имею

Глава 1. Медь

В тот вечер мир сжался до размеров кухни, залитой мертвенным светом лампы дневного света. Лампа противно гудела, и этот звук, обычно незаметный, сейчас бил по нервам, словно пунктирная линия на кардиограмме, готовой вот-вот сорваться в прямую. Антон стоял, прислонившись спиной к холодному кафелю, и смотрел на свои руки. Руки дрожали. Мелкой, противной дрожью, которую невозможно унять, просто сжав кулаки. На костяшках правой руки расплывалось красное пятно — не его крови. Это была самая дорогая краска в мире, и она только что перечеркнула всю его прежнюю жизнь.

На полу, среди осколков разбитой кружки, лежал его телефон. Экран был расколот в паутину, но уведомление еще горело, пробиваясь сквозь трещины: «Соня: Нам нужно серьезно поговорить. Я больше так не могу». Это сообщение он прочитал час назад, и оно стало детонатором. Не причина, а именно искра, упавшая в бочку с порохом, который он старательно складировал в себе последние два года.

Перед глазами все еще стояла сцена в подворотне. Он возвращался домой после очередного разговора с Соней, разговора, который больше походил на сеанс пассивной агрессии. Она не кричала, она умела убивать тишиной, закатыванием глаз и фразами «делай как знаешь», после которых любой его выбор автоматически становился проигрышным. Он шел, пиная осеннюю листву, чувствуя себя выпотрошенным, пустым, как консервная банка, из которой выскребли всё содержимое. И в этот момент вакуума, в момент абсолютного ноля его самооценки, они появились.

Трое. Молодые, лет по двадцать, с распухшими от дешевого пива лицами. Им было скучно. Им нужен был аттракцион. Их вожак, коренастый парень в дурацкой шапке-петушке, заступил дорогу. От него пахло перегаром и луком. «Слышь, очкарик, закурить есть?» — спросил он, хотя в зубах у него уже дымилась сигарета. Антон молча покачал головой и попытался обойти. Это было ошибкой. С точки зрения их звериной иерархии, он показал страх. Толчок в плечо был ожидаем, но всё равно оказался неожиданным по силе. Антон отлетел к стене, больно ударившись лопаткой.

Он не был бойцом. В школе его травили за очки и любовь к книгам, в институте он прятался за спинами более наглых друзей. Всю свою жизнь он был «тварью дрожащей», существом, которое боится удара, боится крика, боится неодобрения. Его оружием всегда был интеллект, способность договориться, сгладить угол, перевести конфликт в шутку. Но этот язык был непонятен трем самцам, которые видели перед собой не человека, а жертву. Они начали его обшаривать, грубо хлопая по карманам в поисках кошелька. Один из них, прыщавый и долговязый, вытащил у него из внутреннего кармана куртки новенький айфон — подарок родителей на день рождения, который Антон еще не до конца выплатил в рассрочку. И в тот момент, когда прыщавый ухмыльнулся, показав желтые зубы, с Антоном что-то случилось.

Это не было яростью. Это было холодное, как жидкий азот, озарение. Он вдруг с пугающей четкостью осознал математическую простоту ситуации. Закон не работает в темной арке. Мораль — пустой звук. Сейчас, в эту секунду, действуют только законы физики и силы. Раньше

он считал, что право на силу имеют только отморозки или люди в форме. А он, Антон, клерк в ипотечной компании, такого права не имеет. Он должен терпеть, потому что он умнее, потому что он выше этого. Но терпеть боль от удара о кирпичную стену было невыносимо. Видеть, как чужая грязная лапа сжимает его вещь, было унижительнее любой боли. Он больше не мог быть «тварью», которая только и умеет, что дрожать и подставлять другую щеку. Он захотел стать тем, кто «право имеет». Прямо здесь и сейчас.

Взгляд упал на кусок металлической трубы, валявшийся у мусорных баков. Это была ножка от старого стула. Он схватил ее. Движение было рефлекторным, лишенным раздумий. Труба была тяжелой, холодной и невероятно удобно легла в ладонь. Вожак в шапке-петушке только успел удивленно вскинуть брови, когда кусок металла со свистом рассек воздух. Удар пришелся ему по предплечью, которым он пытался закрыться. Раздался мерзкий, влажный хруст. Вожак взвыл и согнулся. Антон ударил снова, целясь по ногам, по корпусу, не давая им опомниться. Он не чувствовал страха, только ледяной азарт, дикий драйв от того, что он, тихоня и ботаник, колошматит этих ублюдков, словно боксерскую грушу. Прыщавый выронил телефон и бросился бежать. Третий споткнулся и упал. Антон навис над ним, сжимая трубу, готовый обрушить удар на голову. Парень на земле сжался в комок, закрывая голову руками, и тоненько, по-бабьи, заскулил.

Этот скулеж и привел его в чувство. Антон стоял, тяжело дыша, и смотрел на корчившегося у его ног врага, на его жалкий страх. Он вдруг остро ощутил запах собственного пота и металла. Адреналин схлынул так же резко, как и накатил, оставив после себя ватную слабость в ногах и звон в ушах. Он разжал пальцы, и труба с глухим стуком упала на асфальт. Антон наклонился, поднял свой разбитый телефон и, пошатываясь, побрел прочь из подворотни. Он не помнил, как дошел до дома.

И вот теперь он здесь, на своей кухне, смотрит на красное пятно на костяшках и пытается понять, кто он. Тот, кто час назад методично крушил человеческую плоть, или тот, кто сейчас дрожит от одной мысли о возможных последствиях? Он совершил поступок. Настоящий мужской поступок, как сказали бы его коллеги, любители боевиков и стендапов про «мужика сказал — мужика сделал». Он защитил себя. Он не дал себя унижить. Он поставил хама на место. Ему полагалось чувствовать триумф, удовлетворение, прилив тестостерона. Но вместо этого внутри разрасталась черная дыра, пожирающая все эмоции.

Правильно ли он поступил? Вопрос сверлил мозг, не давая покоя. С одной стороны, статья Уголовного кодекса о превышении пределов необходимой самообороны вставала перед глазами, как призрак. Хруст костей. Этот звук невозможно забыть. Это не киношный хруст, это звук живой механики, которую сломали. Он, Антон, сломал человека. Оправдывает ли цель средства? Можно ли сохранить в себе человечность, если действуешь методами скотов? Он вспомнил слова своего университетского преподавателя по философии: «Культура — это тонкий слой льда над бездной хаоса. Одно резкое движение — и ты уже в ледяной воде, и инстинкты берут верх». Он провалился под лед. Он был в этой воде. И вода оказалась обжигающе-свободной.

С другой стороны, что ему оставалось? Отдать телефон? Смотреть, как они плюют ему в лицо? А если бы Соня была рядом? Он представил себе эту картину, и его передернуло от новой волны липкого ужаса. Он бы стоял и смотрел, как ее оскорбляют или лапают, продолжая «дрожать»? От этой мысли к горлу подступила тошнота. Нет. С этим сбродом нельзя договориться. Они понимают только силу. Эту аксиому он выучил сегодня на горьком опыте.

Его поступок был аморален с точки зрения закона, но был единственно верным с точки зрения уличной справедливости. «Право имею», — прошептал он, пробуя слова на вкус. Звучало горько, как таблетка аспирина, которую разжевал, а не проглотил.

Звук ключа в замке заставил его вздрогнуть. Хлопнула входная дверь. В коридоре раздались шаги — быстрые, нервные, цокающие каблучками. Соня. Она не стала разуваться, прошла в комнату, а затем появилась на пороге кухни. Увидела осколки кружки на полу, мутную лужицу остывшего чая, а потом подняла глаза на Антона. Ее взгляд скользнул по его разбитым костяшкам, по бледному лицу, и в ее глазах не мелькнуло ни беспокойства, ни страха. Только холодная констатация факта.

— Допрыгался? — спросила она вместо приветствия. Голос был резким, как лезвие канцелярского ножа. — Я же говорила, не ходи через дворы. Вечно ты ищешь приключений на свою голову.

Антон молчал. Слова, которые он мог бы сказать, казались неуклюжими и ненужными. Он ждал, что она спросит, все ли с ним в порядке, сильно ли его избили. Но в ее картине мира он априори был жертвой. Побитой, униженной жертвой, которая «допрыгалась». Она не допускала мысли, что он мог дать сдачи.

— Что с рукой? — все же спросила она, но в интонации сквозила не забота, а брезгливость. — Ты кровью весь кухонный гарнитур заляпал. Он новый, между прочим.

— Это не моя кровь, — тихо сказал Антон. Впервые за вечер он поднял на нее глаза.

Соня на секунду опешила, переваривая информацию. Ее красивое, холеное лицо вытянулось от удивления. Она поправила прядь светлых волос, упавшую на глаз. Антон ждал. Сейчас она должна увидеть. Должна понять, что произошел тектонический сдвиг. Что перед ней не тот тюфяк, которого она привыкла пилить за низкую зарплату и неумение забить гвоздь.

— В смысле, не твоя? — она нахмурилась, и между ее бровей залегла та самая жесткая складка, которую Антон ненавидел больше всего. — Ты что, подрался? Ты? Антон, ты с ума сошел? А если они заявление в полицию напишут? Ты об этом подумал? Посадят тебя, кому ты будешь нужен? Мне? У меня ипотека, между прочим, и отпуск через месяц, ты не помнишь?

Каждое ее слово было как удар хлыста. Она не видела в нем мужчину, защитившего свою честь. Она видела идиота, который подставил их совместный налаженный быт под удар. Она выстраивала логическую цепочку, где его возможный срок был лишь досадной помехой ее планам на Мальдивы.

— Ты вообще ничего не спросила, — голос Антона стал глухим, вибрирующим от едва сдерживаемого гнева. — Ты даже не спросила, что случилось. Почему ты всегда...

— Потому что я знаю, что случилось! — перебила она, взмахнув рукой. — Ты как баба, честное слово. Вечно влипаешь в истории, а мне приходится это разгребать. В прошлом месяце тебя обсчитали в баре, ты промолчал. Сегодня ты кому-то разбил лицо. Что дальше? Где логика? Ты не мужик, Антон, ты неврастеник. Ты шарахаешься из крайности в крайность, потому что у тебя нет стержня!

Вот оно. Слово было произнесено. «Не мужик». Ярлык, который она вешала на него годами, то в шутку, то всерьез. Она была из тех женщин, которые выросли на образах брутальных героев, но встречались с менеджерами, потому что с бруталами было неудобно строить быт. И теперь она вымещала этот когнитивный диссонанс на нем. Она хотела, чтобы он был и добытчиком с кулаками, и удобным, предсказуемым спутником, который никогда не направит эти кулаки на нее.

Антон отлепился от стены. Дрожь в руках прошла. Ее место заняла звенящая пустота. Он сделал шаг к ней. Всего один шаг. Он был на полголовы выше, и теперь ей пришлось чуть задрать голову, чтобы смотреть ему в глаза. Он ничего не делал, просто стоял и смотрел. Но в его взгляде было что-то новое, чего она раньше не видела. Это был холод. Тот самый холод из подворотни, который заставил его схватиться за трубу. Соня инстинктивно сделала шаг назад и уперлась спиной в дверной косяк.

— Ты чего? — ее голос дрогнул. Впервые за долгое время она смотрела на него не с превосходством, а с затаенным, животным страхом. Она словно увидела того парня из арки, который только что без тени сомнения крушил врагов. Ее мир, где она была главным рефери и судьей, пошатнулся. — Антон, у тебя глаза стеклянные. Ты меня пугаешь.

— Правильно ли я поступил? — спросил он медленно, чеканя каждое слово. Его голос был спокоен, как гладь пруда перед бурей. — Ты лучше меня знаешь, что правильно, а что нет. Ты всегда все знаешь. Скажи мне, я правильно поступил?

— Я не понимаю, о чем ты... — залепетала она, пытаясь вернуть разговор в привычное русло истерики и ее превосходства. — Ты ведешь себя неадекватно. Давай ты успокоишься, выпьешь воды, и мы спокойно...

— Нет, — оборвал он ее. В этом «нет» было столько силы, что она буквально осеклась на полуслове. — Ты хотела серьезно поговорить. Ты написала, что больше так не можешь. Вот он я. Говори. Что ты больше не можешь?

Она молчала, нервно теребя ручку своей сумки. Все ее заготовленные фразы о том, что он мало зарабатывает, что он невнимателен к ней, что он не ценит ее стараний, вдруг показались ей мелкими и неуместными. Потому что перед ней стоял не тот Антон, которого она знала. Тот Антон бы уже извинялся, кивал и обещал исправиться. Этот новый Антон был опасен. От него пахло улицей, кровью и чем-то диким, первобытным, что не вписывалось в ее уютный мир с ипотекой, Мальдивами и корпоративами по пятницам.

Конфликт между ними достиг критической массы. Они стояли на руинах своих отношений, среди осколков кружки, и эта разбитая посуда была лучшей метафорой их совместной жизни. Сейчас решалось все. Антон смотрел на нее и думал о Раскольнике. «Тварь ли я дрожащая или право имею?» Старуха-процентщица, которую он убил в своем воображении, вдруг приняла облик Сони. Не в буквальном смысле топора, а в смысле того морального права, которое он сейчас ощущал. Имел ли он право переступить через ее устои, через ее вечное недовольство, через ее ядовитый язык? Имел ли он право просто сказать «хватит» и разрушить этот мирок одним движением, как он разрушил трухой кости того парня?

— Я жду, — сказал Антон. В его голосе не было угрозы, только ледяное спокойствие человека, который перешел черту и уже ничего не боится.

И Соня, впервые за многие годы, заплакала. Не театрально, с подвываниями и требованиями немедленного раскаяния, а тихо и испуганно, размазывая тушь по щекам. Она плакала не от обиды, а от страха. Страх перед новым Антоном, который стоял перед ней и ждал ответа на вопрос, ответ на который он сам еще не знал.

Глава 2. Эхо

Соня ушла под утро. Хлопнула дверью, но как-то неуверенно, без привычного металлического лязга, словно сомневаясь, стоит ли вообще уходить. Антон остался в квартире один. Тишина после ее ухода была не пустой, а наполненной — эхом ее последних слов, ее слез, ее испуганного взгляда. Он сел на пол прямо там, где стоял, прислонившись спиной к кухонному гарнитуру, который она так боялась испачкать кровью. Кровь уже засохла и стала бурой, похожей на ржавчину. Он смотрел на свои руки и не узнавал их. Эти руки еще вчера перебирали бумаги в офисе, наливали кофе, неловко обнимали Соню за плечи. А сегодня они ломали кости.

Первые часы после ее ухода он провел в каком-то странном оцепенении. Адреналин выветрился окончательно, и на его место пришла свинцовая усталость, какая бывает после долгой болезни. Он дополз до дивана и провалился в тяжелый сон без сновидений. Проснулся он около полудня от того, что солнце светило прямо в лицо. Яркий, безжалостный осенний свет заливал комнату, выставляя напоказ каждую пылинку, каждый недостаток. И вместе с этим светом пришли они — угрызения совести.

Они не накатили волной, как пишут в книгах. Они начали просачиваться в сознание медленно, как грунтовые воды в подвал. Сначала это был просто дискомфорт, смутное ощущение, что что-то не так. Затем в ушах снова зазвучал тот самый хруст. Влажный, тошнотворный звук ломающейся под металлом человеческой кости. Антон сел на диване и зажал уши ладонями, но звук не исчез. Он шел изнутри, из самой глубины памяти, и его невозможно было заглушить.

Он пошел в ванную, открыл кран с холодной водой и долго держал руки под ледяной струей. Вода окрасилась в розовый, смывая засохшую кровь. Чужая кровь. Кровь человека, имени которого он даже не знал. Человека, который, возможно, сейчас лежит в больнице с переломанным предплечьем. Или хуже. Антон вдруг похолодел. А что, если он ударил слишком сильно? Что, если тот парень упал неудачно, ударился головой об асфальт? В кино герои после драк встают, отряхиваются и идут пить пиво. В жизни люди умирают от одного неудачного удара, от падения на бордюр, от внутреннего кровоизлияния, которое можно не заметить сразу. Он не помнил точно, куда пришелся последний удар. Память услужливо стирала самые страшные моменты, оставляя лишь смазанные кадры.

Он схватил с тумбочки разбитый телефон. Экран не работал. Сенсор не отзывался на прикосновения. Он бросился к ноутбуку, открыл новостную ленту. Сердце колотилось где-то в горле. Он пролистывал заголовки, вглядываясь в каждую строчку, ища слова «избиение», «драка», «госпитализация». Ничего. В сводках происшествий по его району было пусто. Он выдохнул, но легче не стало. Отсутствие новостей не означало, что ничего не случилось. Это могло означать только то, что новость еще не дошла до журналистов. Или что парень лежит в реанимации, и полиция уже ищет нападавшего.

«Нападавшего». Вот кем он теперь был. Не жертвой, не защищавшимся прохожим, а нападавшим. Он перешел черту. Он не просто оттолкнул обидчика, не просто вырвал телефон и убежал. Он остался и продолжил избиение, когда угроза уже миновала. Он помнил это чувство — холодное, расчетливое желание причинить боль, сломать, уничтожить. Это чувство ужасало его сейчас больше, чем возможные юридические последствия. Значит, оно жило в нем всегда? Значит, под тонкой коркой цивилизованного человека, вегетарианца, любителя джаза и старых фильмов Тарковского, прятался зверь, который только и ждал момента, чтобы вырваться наружу?

Он вспомнил лицо парня на земле, его скулеж, его руки, закрывающие голову. В этот момент Антон чувствовал себя богом, вершителем судеб, тем самым «право имеющим», о котором грезил Раскольников. Он стоял над поверженным врагом с орудием убийства в руках, и это было опьяняющее чувство власти. Абсолютной, ничем не ограниченной власти над чужой жизнью. Сейчас это чувство вызывало у него тошноту. Он был не богом. Он был испуганным мальчиком с куском трубы, который дорвался до силы и не знал, как ею распорядиться.

Угрызения совести переросли в физическую боль. У него скрутило живот, началась мигрень. Он бродил по квартире, как призрак, не в силах ни есть, ни пить. Он пытался включить телевизор, чтобы отвлечься, но на экране шел какой-то боевик, где герой с каменным лицом расстреливал врагов, и это вызвало новый приступ отвращения. Он выключил телевизор и швырнул пульт в стену. Пластмасса треснула, батарейки покатались по полу. Еще один разрушенный предмет. Еще одно подтверждение того, что он потерял контроль.

Он снова и снова прокручивал в голове альтернативные сценарии. Что он мог сделать иначе? Отдать телефон и пойти дальше, проглотив унижение? Да, это было бы разумно. Телефон — всего лишь вещь, кусок пластика и металла. Он бы купил новый, взял еще один кредит, Соня бы поворчала и успокоилась. Никто бы не пострадал. Он мог бы закричать, позвать на помощь. В соседнем дворе наверняка кто-то был. Он мог бы просто побежать. Он был в хорошей форме, бегал по утрам, они бы его не догнали. Так почему же он не побежал? Почему выбрал насилие?

Ответ был страшным и честным. Потому что он хотел этого. Где-то глубоко внутри, на уровне подкорки, он хотел этого момента. Он двадцать шесть лет копил в себе обиды, унижения, подавленный гнев. Каждое «будь умнее», каждое «не связывайся», каждое «нужно быть дипломатичнее» оставляло микроскопический шрам на его душе. И когда ему в руки сама легла та труба, все эти шрамы вскрылись разом. Он бил не тех троих придурков. Он бил своего школьного обидчика, который отбирал у него деньги на завтрак. Он бил начальника, который публично унизил его на планерке. Он бил Соню за каждое ее ядовитое слово, за каждый уничтожающий взгляд. Те гопники были просто случайными жертвами, клапаном, через который вышел пар из перегретого котла его психики. Но от этого осознания было не легче. Наоборот, становилось еще хуже. Он использовал их, как грушу для битья, выместил на них зло, которое предназначалось другим. Где же тут справедливость?

Ближе к вечеру он решился выйти на улицу. Ему нужно было увидеть то место. Возможно, это было глупо и опасно, но он не мог больше сидеть в четырех стенах, где каждый угол напоминал о вчерашнем. Он натянул капюшон, взял запасные ключи, стараясь не смотреть на пятно на кафеле, и вышел. Город встретил его равнодушным шумом. Люди спешили по своим делам, машины сигналили, где-то играла музыка. Мир не изменился. Но для Антона изменилось все.

Он дошел до арки. Сердце колотилось так сильно, что казалось, его слышно за километр. Здесь ничего не напоминало о вчерашней драке. Ни крови на асфальте, ни осколков, ни трубы. Труба исчезла. Видимо, ее забрали либо те парни, либо дворники. Обычная грязная подворотня с мусорными баками и облупленной штукатуркой. Он подошел к стене, о которую его толкнули. На кирпичах остался след — небольшая царапина. Он коснулся ее пальцами. Здесь все началось. Но здесь же все и должно было закончиться. Но не закончилось. Оно продолжалось внутри него, пожирая изнутри.

Он развернулся и пошел домой, но у выхода из арки его взгляд упал на маленький цветочный лоток. Старушка продавала хризантемы. Маленькие, желтые, похожие на осеннее солнце. И в этот момент у Антона случилась новая волна — не ярости, а бесконечной, щемящей жалости. Жалости к тому парню, у которого теперь сломана рука. Жалости к его матери, которая, возможно, сейчас сидит у его больничной койки. Жалости к Соне, которая не могла понять, что с ним случилось, и испугалась. Жалости к самому себе, который запутался в дурацких философских категориях и превратил свою жизнь в кровавую кашу.

Он купил букет. Просто так, без повода. Принес его домой и поставил в вазу. Желтые цветы на фоне серой кухни смотрелись дико и неуместно. Как напоминание о том, что жизнь продолжается, что в ней есть место не только боли и страху, но и чему-то светлому. Но угрызения совести не ушли. Они затаились, притихли, словно зверь, готовый напасть снова, как только наступит ночь.

Ночью, лежа в пустой холодной постели, Антон понял главное. Вопрос, которым он задавался — «тварь ли я дрожащая или право имею» — был ложным. Эти понятия не существовали отдельно друг от друга. Он был и тем, и другим одновременно. У него было право защищать себя, но он им воспользовался как животное. Он дрожал от страха перед последствиями, но при этом чувствовал пьянящую власть над чужой жизнью. Черного и белого не было. Была бесконечная серая зона, в которой он сейчас тонул. И самый страшный вопрос был не в том, сядет он в тюрьму или нет, и не в том, вернется ли Соня. Самый страшный вопрос был в том, сможет ли он когда-нибудь простить себя сам. Сможет ли он жить с этим эхом внутри, с этим звуком ломающихся костей, который теперь навсегда поселился в его голове. Ответа у него не было. Была только долгая, бессонная ночь и желтые хризантемы, молчаливо свидетельствующие о его преступлении и его раскаянии.

Глава 3. Сталь

Неделя прошла как в тумане. Антон взял больничный, сославшись на острое отравление. Начальник поворчал, но отпустил — Антон редко болел и еще реже просил внеплановые выходные. На самом деле он просто не мог заставить себя выйти из дома. Каждый раз, когда он подходил к входной двери, его начинало мутить. Ему казалось, что стоит ему выйти на улицу, как его тут же схватят, прижмут лицом к асфальту, зашелкнут наручники. Или еще хуже — он встретит взгляд того парня, узнает его в толпе, увидит его руку в гипсе и прочтет в его глазах страх и ненависть.

Но человек не может вечно сидеть в четырех стенах, питаясь дошираком и просроченным хлебом. На восьмой день продукты закончились, а вместе с ними закончилось и терпение самого себя. Антон посмотрел в зеркало и увидел заросшее щетиной, осунувшееся лицо

с темными кругами под глазами. Он был похож на беглого каторжника. И тогда что-то в нем перещелкнуло. Снова. Как тогда, в арке, только в другую сторону.

Он долго стоял под горячим душем, смывая с себя липкий налет страха и бездействия. Горячая вода хлестала по плечам, и вместе с ней в голову начали приходить другие мысли. Не те, что мучили его бессонными ночами, а другие — холодные, четкие, логичные. Он начал вспоминать не то, что было после драки, а то, что было до. Он заставил себя восстановить в памяти каждую секунду того вечера, без купюр и самообмана.

Вот он выходит из кафе, где они с Соней в очередной раз поссорились. Она закатила скандал из-за того, что он не забронировал столик у окна. Ей было душно, ей было тесно, ей было невкусно. Он платил за ужин, глядя в ее недовольное лицо, и чувствовал, как с каждым ее словом из него уходит жизнь. Он вышел на улицу с четким ощущением собственной никчемности. Он был пустым местом, кошельком на ножках, удобным аксессуаром, который вечно все портит.

Вот он сворачивает в арку не потому, что дурак, а потому что это кратчайший путь к метро. Он устал, у него болела голова, он хотел домой. Он не выбирал этот маршрут, чтобы искать приключений. Он просто шел. Имел ли он право идти по своему городу там, где ему удобно? Да. Безусловно. То, что какие-то ублюдки превратили этот проход в свое логово, не делало его виноватым.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.